

милию не помню). А у нее была любовь с адъютантом Прядько сержантом Колей Борисовым, и все мы радовались отношениям этой симпатичной пары.

Ближе к полуночи из землянки начали раздаваться смех, песни, громкий разговор. Праздник есть праздник даже на фронте. Вдруг все стихло и выбегает без шинели в одной гимнастерке Татьяна — и мимо меня прямо в лес в направлении санитарной роты. Вслед за ней выскакивает Прядько с маузером в руке.

— Где она?

— Кто, товарищ полковник? — невинно спросил я.

— А ты для чего здесь стоишь? — рассвирепел он, размахнулся и ударил меня кулаком в левое ухо. От неожиданности и невероятно сильного удара я упал в снег. Когда очнулся, то увидел, что Коля Борисов и ординарец Петр сидят на полковнике верхом, пытаются отнять маузер. Наконец, разоружили, подняли на ноги и увели в землянку. Тут подъехали сани, запряженные двумя лошадьми, генерал Хохлов сел в них и, даже не попрощавшись, уехал в штаб дивизии.

На следующий день Татьяна рассказала, что же произошло в землянке. Когда все выпили и были уже навеселе, генерал стал приставать к девушке. Вначале она пыталась отшутиться, потом пристыдить, но когда генеральская наглость вышла за все рамки, схватила тарелку с борщом и выплеснул в лицо Хохлову. Надо отдать должное ему и Прядько, что поступок старшины медицинской службы не имел для нее серьезных последствий, все обошлось.

Хенде хох, факельщик

При освобождении Кировского района Могилевской области особенно запомнилось радушие населения. Я в то время был в конной разведке, при отступлении немцев мы первыми входили в населенные пункты. Везде нас встречали с восторгом, слезами радости, девчата забрасывали цветами. Почти в каждом селе посреди улицы ставился стол, застеленный белой скатертью, с бутылкой самогона и немудреной закуской. Пока не выпьешь рюмки, не отпустят, не помогали никакие отговорки, что тебе надо дальше вести разведку, что за тобой идут полки дивизии...

Отступая, немцы оставляли «факельщиков» — дожигать то, что не успело сгореть. Вначале мы даже не поняли, что это за люди бегают с факелами по улице. Когда же дошло, что у нас на глазах они

поджигают деревню, охватила такая ярость, что мы как один побросали лошадей и ринулись на фашистов с автоматами. Они от нашего огня бросились бежать врассыпную. Я за одним из них: он во двор — я туда же, он в огород — я за ним. Там немец нырнул в землянку, в которой местные жители прятались от бомбежки. Ну, теперь попал — ся! Тут наши разведчики подоспели, окружили землянку, кричим: «Хенде хох!», «Ком!». Думаю, этого было достаточно, чтобы фриц понял, чего от него хотят.

Наконец, он появился в проходе, в руках пистолет. Мы стоим с взведенными автоматами, ждем. Немец посмотрел на нас, потом на свой пистолет, приставил себе к виску и выстрелил. Обыкновенный молодой немец, лет 19 — 20, даже не в сапогах, а в крагах, зачуханный, грязный...

Дневная вылазка

Бои за Данциг (Гданьск) были тяжелыми и изнурительными. Противник сопротивлялся с отчаянностью обреченных, отступить ему было некуда: впереди мы, сзади море. Тогда как ни когда командованию дивизии нужен был «язык». Ночные поиски результатов не давали, противник в это время был особенно бдителен. А что если взять «языка» днем? Авось враг притупит бдительность, а еще надеялись мы на внезапность и свое солдатское счастье. Ведь мы были молодцы и дерзки и не верили, что с нами что-то может случиться, тем более не думали о смерти, хотя она всегда ходила рядом. Кроме того, в разведку подбирались ребята смелые и отчаянные и только добровольно, по приказу туда не назначали.

